

Это действительно была вся маленькая страна, собранная вместе! Костры освещали сотни лиц; хоть и усталые, они были полны предвкушением грядущего праздника. Глаза блестели, губы возбужденно перешептывались. Интересно, что они обсуждали? Завтрашних женихов и невест? Вокруг поляны в несколько рядов были установлены легкие палатки разных форм и размеров. Были среди них просторные, похожие на слегка уменьшенные копии обычных здешних жилищ, и совсем маленькие, не больше гробика, куда помещался лишь один человек, в крайнем случае - взрослый с ребенком. Это уже напоминало город, или, точнее, базу какой-нибудь гуманитарной миссии или лагерь беженцев. Разве что, повторяюсь, не было слышно характерных для этих институций громких крикливых голосов, да и вообще никакого шума. Самыми громкими звуками во всем палаточном поселении был шепот языков пламени и треск горящих сучьев.

Правда, я помню тот вечер плохо: я так устал, что, посидев немного у костра, сразу залез в палатку и уснул. Теперь мне никто не указывал, где расположиться. «Ты сам разберешься», - ободряюще сказал Эгр, спеша куда-то по своим бесчисленным делам. Кто-то из соседей по кухонному бревну протянул мне мисочку с кашей и пробирку с чаем. Я жадно прильнул к горячей влаге, и не сразу догадался посмотреть в сторону ее появления, чтобы отблагодарить неизвестного помощника. Когда же я, наконец, повернулся, то остолбенел от неожиданности: это был Хоб! Он широко улыбался, не забывая при этом жевать. Непривычно было видеть его так далеко от котлов. В моих воспоминаниях он сросся с ними, как какой-то кухонный агрегат. Но теперь у котлов суетились человек пять подростков, а сама кухня стала в три раза больше.

- Неужто вас разжаловали? - пошутил я.

- Да нет. Просто теперь за меня работают стажеры, ха-ха. Ну а ты как? Постиг-таки секрет сабинянской каши?

- Это он постиг, - я показал головой на Ержи.

Тот сидел в одиночестве, окруженный неизвестными мне сабинянами. Похоже, он специально выбрал это место, чтобы не пришлось ни с кем разговаривать. Повар украдкой на него посмотрел.

- О, наш друг вообще постиг многое, - сказал он.

Когда я доел, Хоб забрал у меня посуду и безапелляционно заявил, что сегодня я освобождаюсь от общественных работ. Спорить я, естественно, не стал. Малодушно проигнорировав умывание, сразу после посещения отхожего места (хоть лагерь был и временный, но сабиняне обустроили эту важную функцию с заботливой основательностью) я побрел к палаткам. Я не представлял, что означает эгровское «сам разберешься», но глаза уже слипались и я был готов лечь хоть на голой земле. Споткнувшись о какую-то веревку, я виновато пробормотал извинения, но тут из-за полога палатки послышался голос, показавшийся знакомым:

- Вы ищете место? Здесь есть свободное. Залезайте.

Обрадовавшись, я отодвинул полог. Внутри было темно: лежащий внутри человек уже потушил лампу, а я позабыл взять свою. Пришлось заползать на ощупь.

- Матрас и одеяла - у вас в изголовье. Устраивайтесь.

Я протянул руку и сразу нашел толстый упругий скаток, который от первого же моего движения гостеприимно развернулся. Повторяя про себя благодарности богам, я, не

раздеваясь, нырнул под одеяло. Сначала тряпки были холодными, но, видимо, они обладали тем же чудодейственным эффектом, что и местная каша – в смысле энергоемкости. Я успел полежать, закутавшись, всего пару минут, как по телу разлилось блаженное тепло, словно я выпил стакан чего-нибудь горячительного. От этого тепла, правда, я еще больше ослабел, и у меня не стало сил хотя бы из вежливости спросить имя соседа. Но тот, как всегда по-сабинянки, предупредил мои сомнения.

- Спите, спите. Завтра поговорим, - сказал голос, и я, успокоенный, тут же полетел в тепло-пуховую бездну сна.

Когда я проснулся, уже вовсю светало. Я был уверен, что не застаю в палатке таинственного ночного спутника – ведь сабиняне так трудолюбивы, что, кажется, и вовсе не спят – однако он был еще здесь и аккуратно скатывал свой матрасик. В утреннем полумраке я увидел небольшую сутулую фигурку в темном рубище и круглую голову с оттопыренными ушами. Не может быть! Это же Теше, наш первый сабинянин! И недавно осиротевший отец, тут же вспомнил я. Я поспешил вскочить и начал невпопад выражать то ли приветствия, то ли соболезнования. Старик вежливо прервал меня.

- Извините, но сейчас я очень спешу. До завтрака еще много нужно сделать. Ведь вы знаете, у нас сегодня праздник...

- Да-да, конечно... - Я смущенно замолк.

Немыслимо! У него только что погиб сын, а он вместо скорби предается суетным мыслям о празднике! Я взгляделся в его маленькое сухое лицо с близко посаженными черными глазами. Такие же маленькие, почти детские руки сосредоточенно разглаживали скатку одеяла. А может, наши ребята правы, и у него действительно плохо с головой? Это объяснило бы многие здешние противоречия. Страна безумцев... А впрочем, возможно, в рутинном труде он ищет утешения и забвения? Старик мельком взглянул на меня и сразу вернулся к своему делу.

«Ах да, он же слышит мои мысли. Ну что же, я не могу заставить себя не думать об этом».

Теше вышел. Я выбрался немного погодя. В лучах восходящего солнца лагерь показался еще больше, чем вчера: ряды палаток занимали почти все видимое пространство, ограничиваясь с трех сторон кромкой леса, а с четвертой – серой громадой Стены. Повсюду в воздух поднимались столбы голубого дыма от костров, а из котлов доносился аппетитный запах утренней каши. Туда-сюда между палаток сновали люди; по их довольным лицам можно было догадаться, что сегодняшние заботы для них – не просто уплата повседневного трудового долга (хотя и добровольного), но сладкое предвкушение чего-то особенного. Их было так много, что они казались нитками в ткацком станке, спешащими наперерез друг другу. Однако никто никому не мешал, никто ни разу не столкнулся. Мимо меня, быстро поздоровавшись, прошли Кен и Абий. Немного погодя я увидел Снип – она чистила овощи вместе с другими девушками. Меня окликнули сзади – это оказалась Меб. Ничто не выдавало в ней давешней грусти: она радостно спешила куда-то с мешками провизии. «Скоро, скоро будет веселье!» - точно говорили ее глаза. Я не стал ей мешать, да она и сама быстро убежала. Потом я почти налетел на Многокосога. Он нес связку жердей вместе с курчавым Си. Оти – сегодняшний жених – и Чит работали топорами, но тоже не преминули весело поклониться мне. Вдали, между спин, рук и голов, мелькнули знакомые черные косы, а рядом – белокурые хвосты: Гор и Эгр тоже были поблизости. Единственные, кого я не встретил, были мои товарищи-экскурсанты. Должно быть, сегодня они будут спать долго.

У костра, где я вчера ужинал, хлопотали человек двадцать. Очаг с вечера успели расширить.

Появились новые перекладки, котлы и тазы. Что-то беспрерывно резалось, строгалось и перемешивалось. В воздухе витал запах копченой рыбы и (ну надо же!) жареного мяса. Неужели сегодня у сабинян и впрямь разговение? Я немного растерялся, не зная, куда приткнуться в такой толпе, но тут меня опять окликнул спасительный голос Хоба.

- Это еще что! - сказал он вместо приветствия, подавая мне миску. - Вот в обед сегодня будет настоящее пиршество. Тебя хорошо покормят напоследок.

- Да, и верно - напоследок, - вздохнул я. - Надеюсь, однако, что не только меня, но и вас покормят!

- Ха-ха, и нас, конечно!

Держа миску на коленях, я с любопытством рассматривал Стену вблизи. В первый день мне было немного не до нее; мы больше смотрели вперед, чем назад. Но сегодня путешествие заканчивалось, и хотелось вобрать в память все, что попадалось глазам. Я убедился, что Стена была не такая уж монолитная: всюду, если присмотреться, были выступы и выщерблинки, а иногда даже торчало что-то вроде рукоятей, за которые можно было схватиться, чтобы залезть наверх. Наверху кто-то был: несколько раз над кромкой Стены я видел головы. Я посмотрел в гущу толпы, где недавно видел Треххвостого с командой. Сейчас их уже не было. Не иначе, они забрались наверх и несут охранную вахту. ...Гм, интересно, а где же дверь наружу? Та, через которую мы входили, и через которую нас сегодня выпроводят? Ничего похожего здесь не было. Ах да, там же росли кусты! Я присмотрелся, пытаюсь узнать в густых зарослях, лепившихся к Стене в разных местах, те, что первыми встретили нас в Сабинянии. Помнится, так группа кустов была длинная... Может быть, вон та? Или еще дальше? А может, ее давно порубили и выкорчевали, чтобы врагу было трудней найти дверь? Правда, враг обычно заходит снаружи, а не изнутри. Хотя - я посмотрел на юг, где вдаль угадывалось море - теоретически он может подойти откуда угодно. Кстати, если с внешней стороны дверь только одна (это точно, потому что «сабиняноведа» давно обошли всю Стену кругом), то с внутренней проходов может быть несколько. И неизвестно, через какой будут заводить нас. Может, придется еще пройти по темному коридору внутри Стены, прежде чем лязгнет та неприметная дверка, за которой, должно быть, уже притаились журналисты и прочие друзья и недруги. ...Точно, выход не здесь! Во-первых, я не слышал шума толпы - должно же хоть что-то доноситься - а во-вторых, я все-таки не узнавал поляну. Та точно была меньше. Там ни за что бы не разместились две тысячи человек.

Удовлетворенный успешной дедукцией, я отхлебнул чая. Наконец-то нашлось занятие в этом хлопотливом предпраздничном улье - поразмышлять. Кстати, внешний выход в Стене тоже, возможно, не единственный. Я вспомнил, как тогда, на рассвете первого боя, Эгр с товарищами каким-то образом оказался по ту сторону и зашел в тыл нападавшим. Значит, есть какие-то потайные ходы. Может быть, они ведут прямо из подземелий, и заканчиваются такими же замшелыми лазами под кучей бурелома в лесу, как тот, который нашли мы с Ержи? Если так, то это чудо, что их до сих пор никто не нашел. У них же там и лесов, небось, нет. Впрочем, захотели - нашли бы. Просто перекопали бы бульдозерами всю территорию вокруг Стены. Если они до сих пор не сделали этого, то, значит, просто не хотят...

- Ты думаешь так громко, что рядом с тобой невозможно расслабиться и насладиться едой, - послышался рядом знакомый голос.

Я чуть не подпрыгнул. Тошук сидел на бревне позади меня, и тоже с миской. Интересно, давно он тут? Подкрался, как привидение!

- Привет! Давно не виделись!

- Ага, со вчерашнего дня.

- Тут столько всего происходит за день, что считай, прошел месяц... - Тут я вспомнил главное, чем занимался Тошук, и поспешил спросить: - Как там, кстати, международная обстановка? Накаляется?

Он сразу помрачнел.

- Все сложно. Они настаивают на гуманитарной миссии. Мол, мы должны пропустить внутрь их экспертов, которые оценят, достаточно ли здоровы наши дети. И в зависимости от этого будут решать, можно ли позволить нам дальше самостоятельно управлять нашим зоопарком.

- Кто «они»? Чем управлять? Что?! Надеюсь, ты послал их подальше?

- Кто? По именам не назову. Наши ближайшие соседи, которые по такому случаю прикрылись одобрением ООН. Конечно, послал. Но с некоторых пор они перестали реагировать на наши послы. Вобщем, миссия уже находится на пути к Стене. Сопровождается толпами телекамер, блогеров и зевак со смартфонами. Они жаждут экшна, какого давно не видели по телевизору.

Я все понял.

- Боже, они специально подгадали под день обмена! Они давно это планировали! Но погоди... а как же международные обязательства, как же сабинянский суверенитет? Они же раньше не возражали... Что случилось?

Тошук пожал плечами.

- А может, нам просто не открывать дверь? Тогда никто не войдет? - наивно спросил я.

- Дверь - это не защита, а символ. Ты же понимаешь, что выбить ее несложно. Да хоть бы взорвать. Нам нужно, чтобы они передумали со своей миссией.

- Слушай, а что если... Ведь они хотят проверить здоровье детей, верно? Так давай выберем с десяток самых здоровых и выведем их за Стену на проверку. Эти эксперты посмотрят и успокоятся.

Тошук покачал головой, и я понял, что идея неудачная.

- Куда ты? - спросил я, заметив, что он поднимается.

- Пойду продолжу переговоры. Точнее, уговоры. Я переписываюсь сейчас с каким-то большим чиновником от здравоохранения. Он говорит, что уважает наш образ жизни и готов отстаивать наше право вести его. Но его очень беспокоят дети...

- Ты идешь в подземелье, к компьютеру?

- Не в подземелье. Компы есть и здесь. В полукилометре отсюда - наша Библиотека.

- Погоди... Это то круглое здание, которое так любят снимать из космоса?

Я и забыл о нем. Ну конечно, оно же должно быть где-то неподалеку от входа! Только левее, в лесу. Потому-то мы не заметили его в первый день: сразу полезли через кусты в другую

сторону. Хм, надо же, а ведь когда-то я мечтал увидеть этот бетонный конус своими глазами. Там, из-за Стены, он казался таким символичным, вроде Главного Храма или сосредоточия местного тайного правительства. А оказалось, что это просто бетонный колпак для книг. Хотя, конечно, хотелось бы взглянуть на него перед уходом...

- Помню, ты хотел на него посмотреть? - спросил Тошук.

Я и представить не мог, что он об этом помнит, и еще меньше, что он вдруг скажет это:

- Если хочешь, пойдем со мной.

Надо же! Напоследок судьба преподнесла мне исполнение еще одного маленького желания. Я не стал отказываться, и вскоре мы уже двигались между людьми, палатками и кухнями в сторону леса. Около одного из костров я заметил Марино и Марка. Они с аппетитом поедали кашу и не увидели меня. Ага, значит, наши уже проснулись. Впереди заблестел ручей; он змеился через весь лагерь, огибая постройки. В одном месте было перекинуто несколько бревен, а чуть ниже, метрах в пятидесяти, в окружении ширм из холстины, стояла купальня. Переходя по мостику, я увидел, как полог ширмы отодвинулся, и оттуда показалась Йоки, завернутая в мятую простыню. Мокрая и довольная, она что-то искала глазами. И она нашла: это был Тим. Он поджидал неподалеку, и сразу подскочил с теплым узорчатым одеялом.

Как бы ни был огромен лагерь, он имел границы. Постепенно скопление палаток стало редеть, людей навстречу попадалось все меньше. Последним рубежом служили выстроившиеся в ряд отхожие места. Естественных укрытий здесь не было, поэтому пришлось делать кабинки из жердей и досок. Наверное, это были самые «капитальные» сооружения во всем лагере. Да и во всей стране, пожалуй. Я умилился их сходством с обычными деревенскими туалетами (правда, обычными они были только у меня на родине. В благополучной Европе такое, наверное, тоже смотрелось бы экзотикой). За ними начиналась утоптанная тропинка, уводившая в чащу колючих кустарников. Преодолеть их было непросто: мы старательно отводили ветви от лица и одежды, пропуская друг друга. Потом начались густые деревья - похоже, вязы или грабы. Кроны их опускались почти до земли, образуя над тропинкой подобие тоннеля: иной раз приходилось ползти под ними на четвереньках. Возможно, из-за этого путь показался мне дольше, чем я представлял себе по схеме. Я уже начал подумывать, что ошибся, и что лагерь был разбит вовсе не у двери в Стене. Но вдруг в просвете между зарослями показалось большое серое пятно. Точно, это был огромный конус! Специально ли сабиняне засадили все вокруг частоколом деревьев, или этот странный лес вырос сам по себе - не знаю. Но найти это высоченное сооружение, не зная точного места, в одиночку я бы точно не смог.

Мы уперлись в замшелую бетонную поверхность. Должно быть, Библиотеку когда-то строили одновременно со Стеной. В ее бетоне виднелись такие же выступы - вероятно, от неровной опалубки. Так же, как у Стены, здесь вплотную к зданию рос (или был высажен?) совершенно непроходимых кустарник. Нам пришлось, вытирая мокрый мох своей одеждой, продираться вдоль стены почти боком. Я пытался поглядывать наверх, но не увидел ничего, кроме уходящего под углом к небу серого ската с грязными подтеками дождевой воды. Не было видно ни одного окошка. Крыша была не различима, но в плане здание явно было круглым.

- Не похоже, чтобы ваши много пользовались библиотекой. Дорожка в храм знаний плохо протоптана, - острил я, больно царапаясь о колючки.

- Туда можно попасть и из подземелья, и в основном этим путем все и пользуются. Но сейчас быстрее было поверну, - ответил из-за листьев Тошук.

Он остановился, и я тоже. Впереди стена резко поворачивала – похоже было на проход внутрь. Занырнув туда вслед за Тошук, я оказался в низкой темной нише. В глубине ее виднелся узкий проем с тяжелой металлической дверью – такой же, что была в Стене. Интересно, какая тут толщина бетона? Тошук нагнулся, шагнул внутрь, прижался к двери плечом и надавил; не сразу, но она поддалась. Со скрипом открылась темная щель. Тошук шагнул туда, а за ним, с некоторой опаской, и я. Внутри оказалось достаточно светло: маленькая коморка, куда мы вошли, была вся уставлена горящими лампадками, словно здесь ждали гостей. Слева в полу виднелась дыра, ступеньками уходящая под землю. Должно быть, это был ход, что соединял Библиотеку с подземным лабиринтом, как и говорил Тошук. Прямо напротив была еще одна дверь; мой провожатый толкнул ее и вошел. Просунув за ним голову, сначала я не увидел ничего, кроме столба дневного света, лившегося откуда-то сверху, словно сквозь дыру в потолке. В нем, как мотыльки, плясали пылинки. Я на цыпочках ступил в него и огляделся. Тут у меня перехватило дыхание: мы стояли в высоком узком зале, снизу доверху забитом книгами! Они обступали нас со всех сторон, заполняя длинные полки, тянувшиеся от пола до невидимого потолка. Полки соединялись в стеллажи, которые лучеобразно расходились от середины зала наподобие лопастей огромного вала. В глубине между лопастями, где проходы становились больше и где можно было бы ожидать увидеть наружную стену, ее не было: обзор перегораживали поперечные стеллажи. Получался целый лабиринт полок и стеллажей, в котором терялась форма здания. В довершении всего лабиринт были опутан, точно тонкой паутиной, лесенками и галерейками, и повсюду на них были люди. Кто-то читал, притулившись между книг около ламп. А кто-то медленно пробирался – вверх, вниз или вдоль полок – по ходу изучая корешки книг.

В центре зала торцы стеллажей упирались в круглое пустое пространство, уставленное по периметру столами и скамьями. Столб света, сочившийся из-под кровли, высился посередине подобно прозрачной колонне. Этот готический антураж нарушали лишь компьютеры и ноутбуки: они стояли по кругу на столах, и за ними – так буднично-просто, будто это был обычный офис из «внешнего» мира – сидели мужчины и женщины. Если бы не сабинянские обмотки, они и вправду ничем бы не отличались от офисных клерков.

Услышав нас, несколько человек прервали работу и повернулись. Тошук, быстро поприветствовав их, двинулся к свободному компьютеру. Я тоже помахал рукой. Справа от нас тыкала пальцами в клавиши довольно немолодая женщина, на вид лет пятидесяти. Слева сидел крупный парень с высокой вычурной прической, каких я прежде здесь не встречал.

- Ну как дела? – спросил Тошук парня, усаживаясь и включая свой экран.

Тот со вздохом пожал плечами.

- Вообще-то не очень. Математика всегда давалась мне туго.

Я взглянул на экран его ноутбука: там были какие-то формулы и графики.

- Вы учитесь алгебре?

Парень с удовольствием повернулся ко мне. Видно, он был рад ненадолго отвлечься от утомительного занятия.

- Пытаюсь. Признаться, я тут самый худший ученик, – виновато улыбнулся он.

- Да ладно тебе, не преувеличивай, – отозвался сидевший слева от него подросток, обстриженный в скобку; я припомнил, что где-то уже видел его. – Ты уже сделал 22 номера из 30. А я только пятнадцатый делаю!

- Зато я раньше пришел, - не унимался обладатель прически, которому почему-то было важно доказать, что он хуже всех.

- У ребят сейчас учебная сессия, - вполголоса пояснил Тошук. - Учат кто математику, кто языки, кто философию. А кто-то - он кивнул в темноту между стеллажами - просто книжки читает.

Любители книг тоже походили на обычных посетителей библиотек из нашего мира - разве что прежнего мира, доинтернетовских времен. Хотя нет, у нас читатели побоялись бы так опасно балансировать на полупрозрачных галерейках. Да и нет у нас таких галереек, за исключением каких-нибудь веревочных парков... В глубине прохода, что начинался от нашего стола, я заметил поджарую фигуру с головой, украшенной узлом из множества косичек. Многокосый? Он тоже пришел почитать? Фигура шагнула за стеллаж и пропала. А выше ярусом, по узкому балкончику с канатными перилами медленно шла девочка лет десяти-двенадцати. Ей приходилось подниматься на цыпочки, чтобы достать очередную книгу. Но она не сдавалась, вознамерившись, видимо, проверить содержание всех увесистых томов на ее полке. Впрочем, не все книги были старинными фолиантами, как того можно было бы ожидать от такой библиотеки. На ближних к нам полках вперемешку стояли и толстые издания в твердых переплетах (должно быть, довоенные, а то и старше) и современные, пестро раскрашенные издания в мягких обложках.

- А где вы набрали новых книг? - спросил я, показывая на модный томик Бодрийяра, стоящий над моей головой. - Неужто и это наменяли на рыбу?

Я невольно оговорился, сказав Тошуку «вы», словно он тоже был сабинянином. Но он не стал меня поправлять, углубившись в экран.

- Ну, в основном книги присылаются нашими друзьями из внешнего мира...

- Что? Они присылаются? Ты не говорил раньше о такой гуманитарной помощи! Выходит, связи Сабинянии не ограничиваются ежегодным обменом?

Мимо меня неслышно прошел человек в белом с обритой головой. Жрец! Я замер, наблюдая. Жрец наклонился сначала к одному ученику, затем к другому и, наконец, задержался у третьего, показывая что-то на мониторе и объясняя вполголоса. Это выглядело так обыкновенно, словно на уроке в школе, что я даже на секунду почувствовал разочарование.

- Не расстраивайся. Чудес тут больше, чем ты думаешь, - перебил мои мысли Тошук, не отвлекаясь от своего занятия.

- Любопытно. А в чем они?

- Как ты верно когда-то сказал, для такого глубокого погружения в культуру «внешнего» мира, как наблюдается у сабинян, одних занятий мало.

- Но ведь они погружены, и еще как. В чем же секрет?

Тошук с надеждой смотрел на экран - видимо, ждал ответа на свое письмо. Но ответа не было, и он повернулся ко мне.

- Понимаешь, сабиняне учатся не сами по себе, а каждый - как бы за всех сразу. Емкость одной головы и вправду невелика. Особенно, если берешь в руки книгу лишь раз в три недели, а остальное время копаешься в огороде. Но если каждый, получая знания, вкладывает их в

копилку Общего Разума, куда все его собратья имеют доступ - то получается эффективно.

Общий Разум? Раньше вроде была Общая Душа. Ну да ладно. Идея, конечно, интересная. Получается что-то вроде электронных документов с общим доступом через сеть. И заодно - трансцендентный интернет. Но, черт возьми, это не может быть правдой!

- То есть вот этот парень с прической, который сейчас учит формулы... ты хочешь сказать, что одновременно с ним эти формулы учит вся Сабиняния?

- Не обязательно одновременно. Это же как доступ к сетевым документам. Хочешь - сейчас заходишь, хочешь - потом. (Я прикусил язык, потому что точно такое же сравнение я сделал про себя сам!) - Хотя можно и так сказать. Все сабиняне - это, с одной стороны, собрание индивидуальных сущностей, а с другой стороны - единое сознание. Оно читает глазами каждого из этих ребят, - он кивнул головой на читателей у стеллажей, - учится решать задачи с помощью памяти Мета, - он показал на неудачливого математика, - знакомится с философией, экономикой и правом внешнего мира с помощью мыслей Джи, Кора и Абий. И так далее.

Право, мне было бы приятнее поверить во все это, не раздумывая. Но сегодня был мой последний день в Сабинянии, и не хотелось просто слушать и кивать. Тем более, что в душе накопились сомнения.

- Знаешь, я бы скорее предположил, что сабиняне время от времени бегают по подземным ходам через Стену во внешний мир, а там прикидываются обычными людьми, ведут обычную жизнь и всему учатся, - усмехнулся я.

- Такое тоже есть, - спокойно ответил Тошук. - Но эти посланцы впитывают информацию не только для себя, но и для других. Вся Сабиняния - это единая система мыслей и памяти.

Я замер с открытым ртом. Уж на что Тошук, Треххвостый и все остальные приучили меня ничему не удивляться, но это было уже слишком!

- Они... выходят наружу?! Так это правда? Ты не шутишь? Значит, суперзакрытое теократическое государство - всего лишь миф?...

Сабиняне на секунду оторвались и удивленно посмотрели на нас, а затем снова вернулись к своим экранам и книгам.

- Погоди. А кто тебе сказал, что Сабиняния - это клетка? Это общество свободных людей, которые свободно выбрали...

- Клетку.

- Как угодно.

- Но что же это за свобода, если все они, получается, на поводке у мега-мозга?...

- Раньше ты был понятливее, - строго сказал Тошук.

- Прости, прости. - Я пристыженно заулыбался. - Но просто... Это твое откровение про тайные вылазки сабинянский агентов во внешний мир - это как-то уж слишком переворачивает с ног на голову все, что мы знаем о Сабинянии. То есть, их отпускают пожить в мире греха, как молодежь из амишских общин в США, а потом они добровольно возвращаются, все познав и все-таки выбрав клет... э-э... путь своих отцов?

Тошук стал терпеливо объяснять.

- Если ты надеешься услышать, что они за Стеной поддаются соблазнам, то не надейся. Те, которые поддаются - перестают быть сабинянами и уходят. Они же часть Единой Души, а Душа не может изменить сама себе. Пока они остаются в ее лоне, соблазны им не страшны. Они - лишь наши наблюдатели внешнего мира. Они впитывают информацию и делятся ею с остальными. Сабиняния как бы смотрит на ваш мир глазами этих, как ты выразился, агентов.

Он снова с надеждой посмотрел на экран. Там ничего не поменялось. Он перезагрузил браузер и подождал. Увы - ответа не было. А я тем временем пытался собрать вместе рассыпавшиеся вдребезги осколки моих знаний о Сабинянии.

- Погоди... И много у вас таких путешественников? Которые ходят за информацией туда-сюда... И за книгами, наверное. О, теперь я все понимаю. Треххвостый... то есть Эгр, он тоже бывал за Стеной? И Гор, и Чит, и Снип? И все остальные, которые разговаривают, как молодые столичные интеллектуалы. Они все там пожилы, верно?

Тошук кивнул. Я хмыкнул.

- Так вот и весь их секрет. Сабиняния - не такой уж замкнутый мир. Странно, что у нас об этом никто не знает. Молодцы, вы хорошо замаскировали подземные ходы!

- Просто они очень длинные. Выходы хорошо спрятаны, и никакой спутник их не найдет. Если только не знать про них.

- Гм, но теперь я знаю... - Я осекся и тревожно взглянул на него.

Тошук посмотрел, не понимая, а потом рассмеялся.

- Не думаешь ли ты, что тебя убьют за это?

- Ну, вообще-то, это суперопасная информация.

- Я бы не рассказал тебе, если бы не был суперуверен, что ты не разгласишь ее,- сказал он мне в тон.

Ученики за компьютерами больше не оборачивались, хотя разговаривали мы достаточно громко. Видимо, тема казалась им пустяковой.

- Вот как? Ну, спасибо, конечно... Я очень горд. Но все же, почему ты так... суперуверен?

- Потому что, как ты уже имел возможность убедиться, ты тоже подключен к нашему Единому Сознанию.

- Нашему? Ты хочешь сказать, что и ты тоже подключен?... А впрочем, это не столь важно. - Я развернул свой стул к нему, желая показать, что готов всерьез бороться за свои убеждения. - Гм, Тошук... - Я оглянулся и понизил голос. - Я знаю, что они все искренне верят в эту свою мистическую связь, и что ты в нее веришь. Но понимаешь - это невозможно! А главное, - я поднял руку, не давая ему возразить, - эта теория совершенно избыточна. Зачем нужен сверхъестественный постулат об общем информационном поле - видимо, ты это имел в виду? - если каждый сабинянин и так может выйти за Стену и получить любые интересующие его знания? То есть зачем усложнять разгадку, если все просто?

- Потому что это правда. - Он устало пожал плечами.

- Тошук!

- Понимаешь, быть частью единого поля - естественное состояние для человеческой души. Но для земной жизни удобнее иметь иллюзию своей отдельности, поэтому Сабина даровала нам индивидуальность. Но когда мы умираем, то возвращаемся к прежнему единству. Поэтому - это к теме нашей старой беседы - нет никакого смысла в специальном погребении, например.

Я подпер голову рукой, выражая крайнее утомление.

- Так выходит, Сабина управляет всем миром? И христианским - тоже?

Тошук печально поджал губы и отвернулся к экрану, принявшись снова, в который раз, набирать сообщение. Я понял, что задал неприличный вопрос.

- Ох, извини. Не будем вдаваться так глубоко. Но я правильно понял, что сабиняне отличаются от внешнего мира тем, что чувствуют единое поле, а все остальные - нет?

- Некоторые «внешние» тоже чувствуют. Например, ты. Поэтому тебя и выбрали. Сначала в число экскурсантов, а потом - в наши помощники.

Он опять сказал «наши». Гм...

- Э-э, в любом случае, я очень благодарен. Но насчет этой теории... Знаешь, Тошук, я верю, что ты и, скажем, Треххвостый, или Гор, или еще кто-то здесь отлично владеет гипнозом и телепатией. Эти явления существуют, я их не отрицаю, об этом говорят известные ученые... И этого вполне достаточно, чтобы объяснить те странные явления, которые я здесь встретил. Чтение мыслей, передача образов на расстояние... Не удивлюсь даже, если сабинян как-то учат этому. Вот эти ваши жрецы... Развивают природное дарование. Прямо даже здесь, в этом колоритном учебном классе. - Я запрокинул голову и тут же зажмурился, ослепленный особо ярким солнечным лучом, который как раз в этот момент просочился сверху. Подождав несколько секунд, я открыл глаза и вздрогнул: мимо нас неслышно проходили два жреца (или это были просто библиотекари?) в белых балахонах. Как они ухитряются подкрадываться так незаметно? - Но, честно говоря, мне гораздо интересней было бы узнать про эти тайные вылазки, - продолжал я. - Эта материя мне понятнее. Так давно вы этим занимаетесь? (Я опять объединил его одним местоимением с сабинянами, и Тошук опять ничего не заметил). Впрочем, наверное, давно. И понятно теперь, откуда столько книг. И компьютеры... Но как вам удалось держать все это в тайне? Во внешнем мире об этом кто-то знает? И вот еще что интересно - как ваши люди живут за Стеной? Как делают так, чтобы в них не признали сабинян? Извини, что все время говорю «ваши», но просто ты тут по факту самый близкий к ним... Так они что, устраиваются там на работу, ходят в офис, снимают жилье?... Нет, вот так удивил. Сабиняне - среди нас! Оказывается, чтобы на них посмотреть, не нужно было переходить через Стену. Надо было просто повнимательней присмотреться к своему офисному коллеге. Вдруг его зовут Эгр, хе-хе?

Я нервно усмехнулся. Тошук спокойно подождал, пока мой поток речи иссякнет, и лишь тогда раскрыл рот.

- Ты сомневаешься, что подключен к Единой Душе? - бесстрастно спросил он.

- Хм, я повторяю, что...

- Тогда объясни мне, каким образом ты уже целый час ведешь со мной беседу на сабинянском языке?

Я чуть не подавился. Как? Что? Как на сабинянском?... Я попытался вспомнить, что я только что говорил. Напрягшись, попробовал еще что-то сказать, и вдруг явственно понял: я могу формулировать мысль двумя способами! Первый – это моя родная речь. Но непривычный вкус слов во рту показал, что я действительно какое-то время их не использовал. Я только что говорил.... и думал... на другом языке! И даже этого не заметил!

- Пока произношение выдает в тебе новичка, но со временем оно сгладится.

Я снова окунулся в море родного языка и сквозь толщу вод услышал скрежещущие, отрывистые звуки. Я вынырнул – и странных звуков не стало, а остался только смысл. Я его понимал! Я напряг мышцы лица, словно мне нужно было поднять ими штангу, и выдавил:

- Не понимаю, как это возможно!

И одновременно услышал себя же:

- Ихр ствллуд ртувшт пиркнехт... Но как, как я овладел им? – воскликнул я в испуге.

- Никак. Знать все языки – твое естественное состояние. Учиться этому не нужно. На самом деле все люди говорят на одном языке. Словарные различия – внешняя корочка, которая легко снимается. Главное – это смысл. Сейчас ты оказался там, где все вокруг это умеют. Поэтому, наверное, твои глаза и уши раскрылись, и ты увидел знания, которые всегда были в тебе.

- То есть я...

Я ошалело оглядел людей за компьютерами.

- Не сразу. Нужно время. Но теперь ты на правильном пути. Думаю, ты с каждым днем будешь видеть и слышать все лучше и лучше. И тебе несложно будет узнать наших за Стеной, когда ты их встретишь.

- Ух...

Тошук снова вернулся к компьютеру, а я некоторое время сидел, с трудом осознавая услышанное. Это невероятно – я знаю сабинянский язык! Я умею передавать с его помощью свои мысли, пусть даже невольно. А иногда даже умею принимать. Ведь как иначе я смог перенестись к женскому дому, не двигаясь с места? А увидеть на стойбище бой, который происходил на Стене? Значит, я увидел то, что видели другие. Мне передали картинку на расстоянии. Но стоп... ведь бой видел не только я! Ержи тоже! Значит, и он?

- Да, он тоже научился видеть и слышать, – сказал Тошук, внимательно следя за моими мыслями. – И еще – но пока слабо – Йоки с Тимом.

- Так вот почему вы выбрали именно нас! Потому что у нас есть способности... подключиться к этой... к Единой Душе!

Тошук кивнул и еще раз посмотрел на экран. Там ничего не менялось – письма не было. Тотчас что-то подсказало мне, что все мои изумления и восторги сейчас не важны. А важно то, что происходит в эту минуту за Стеной. И это напрямую связано с молчанием тошукова корреспондента.

- Какие новости? – спросил я, показав подбородком на экран.

Услышав свою речь, я понял, что опять заговорил по-сабинянки. Чудеса...

- Пока никаких. Перестали отвечать, причем все сразу. Все контактеры, на которых я надеялся. Все, которые раньше имели влияние отвести от нас беду.

- Эта «комиссия» уже близко?

- Думаю, они уже рядом со Стеной, вместе со сворой журналистов и правозащитников.

- Как жаль, что у нас нет квадрокоптеров. Могли бы знать заранее.

- Что бы это дало? И потом, не забывай: их снисходительное отношение к нам держится исключительно на том, что мы строим из себя дикарей, незнакомых с техникой. Стоило бы нам запустить коптер – миф был бы разрушен, и с их стороны запустили бы кое-что пострашней.

- Они захотят устроить прорыв, когда дверь откроется? Как думаешь?

- Вполне возможно.

Тошук потер руками плечи, точно ему было холодно. Не сказать, чтобы здесь было жарко, но и не так зябко, как в подземелье. Я пока даже не вспоминал об одеялах. Тем временем зал постепенно пустел: ученики заканчивали уроки, по очереди выключали компьютеры и уходили. Рядом с нами еще оставался пышно причесанный Мет с его нерешенными задачами, а напротив сидела Абий. Однако, знакомое имя... вспомнил! Это подруга Кен, которую я видел на первом стойбище. С ней еще подружилась Йоки. К столу Мета то и дело подходил жрец-учитель и шептал какие-то разъяснения, но, видимо, безрезультатно.

- Не лучше ли тогда отменить обмен? Перенести на несколько дней?

- Бесполезно. Если они захотят напасть, то нападут. Мы бессильны. К тому же, мы должны передать пленных. И тело убитого. Наконец, вывести экскурсантов – вас и меня.

- Ну, положим, мы можем и подождать несколько дней.

- Дней – да. Но не месяцев. Большинство ваших давно мечтают вернуться домой. Ты посмотри на них. Получится, что мы удерживаем их насильно.

- Ну да, Йоки и Мария устали... Ну а ты? Разве тебе нужно возвращаться? Прости, но, кажется, теперь я понял твою роль. Ты – сабинянин, как раз из тех, кто совершает дальние вылазки во внешний мир. Перед экскурсантами ты должен изображать «внешнего». Я верно определил?

Тошук внимательно на меня посмотрел, как будто раздумывая, стоит ли мне сообщать очередную тайну.

- Так ли это важно?

- Да, вобщем-то, нет. Тем более, что пленных все равно придется выпустить, и дверь так или иначе откроется. Это просто мое любопытство. Я все гадал, кто же ты такой. Ты давно стал забывать свою «легенду» и проговариваться. То и дело говорил о сабинянах «мы», а когда я тебя к ним причислял, не возражал. Ну и когда ты поведал об этих внешних «агентах», я понял, что это ты и есть.

Тошук все еще колебался. Он долго и молча возился с выключением компьютера – видно, тот был стар и барахлил. В библиотеке стало темнее: людей почти не осталось, и жрецы потушили часть ламп.

- Увы, нет, - наконец вымолвил он, и я удивился тому, как изменился его голос. – Я не сабинянин. Точнее, уже не сабинянин. И именно поэтому я обязан уйти вместе с вами. Когда-то я действительно был одним из нас... из них. Но потом, отчаявшись, захотел другой жизни. И ушел навсегда. Теперь мне нельзя вернуться обратно. Я имею право навестить родину только раз в год, вместе с экскурсией. Да и то не всегда. Например, четыре года назад меня не призвали. Помнишь, когда мы впервые с тобой встретились, я был уверен, что ты был именно в той экскурсии?

Я слушал, не смея шелохнуться. Сегодняшний день был богат на открытия, но вот именно этого я предпочел бы не знать. Небо, должно быть, заволочло тучами, потому что луч света, который прежде слепил меня, погас. В зале воцарился полумрак, и неподвижное лицо Тошука, смотрящего в выключенный экран, казалось свинцовым.

- Так ты... Выходит, ты был одним из тех, кто не выдержал и ушел?

Он молча кивнул.

- Почему? Тебе не хватало еды? Поэтому?

Тошук обхватил рукой подбородок.

- Нам всем ее не хватало, мы к этому привыкли. Но я не выдержал, когда умер мой маленький сын. Ему и года не было. Какой-то сепсис, потом я уже не стал выяснять. У нас много младенцев умирает от этого, лекарств ведь нет. Но я не смог смириться. Особенно, когда побывал там, за Стеной. Увидел своими глазами аптеки с лекарствами. Я и раньше о них знал, но самому увидеть – это другое. А еще - счастливых мамаш и папаш с колясками, где сидят живые и здоровые дети. Тогда-то я и решил, что искусственно лишать людей возможности выжить – это зло. Я возненавидел Сабину, которая зачем-то возжелала сделать нас своим избранным народом...

- Избранным? Сабиняне правда так считают?

- Ну да. Но избранность в данном случае – это не то, к чему ты привык. Ну, не то, что в иудаизме, например, когда бог благоволит к тебе. Сабина избрала нас затем, чтобы мы стали лучшими. Подобными ей. Но это значит, что мы должны уметь переносить страдания, перед которыми дрогнут другие. Мы должны усмирять свои желания, хотя другие это не умеют. Обуздывать свой эгоизм. Мы должны стать совершенными, чтобы она могла радоваться, глядя на нас.

- Она решила сделать из вас своих ангелов.

- Ты ведь знаешь, для большинства здесь это не составляет труда. Сабина не ошиблась, выбрав себе последователей шестьдесят лет назад. Та небольшая община... Ты знаешь про них. Все, небось, читал. Их дети, внуки, правнуки, чьи души с рождения переплетены друг с другом, остаются верны ей. Но иногда случаются...

- Ошибки?

- Да, можно и так сказать. Я оказался такой ошибкой. Свою любовь к ребенку я поставил выше

своих братьев. Выше Сабины.

- Но ведь это естественно!

Тошук горестно наморщил лоб. Видно, ему трудно было говорить. Но дело было не в свидетелях. Хотя Мет и Абий еще не ушли, и жрецы то и дело появлялись в глубине проходов, они словно не слышали его.

- Для сабинян - нет. Они - единый организм. В какой-то степени - единое мыслящее существо. Они любят свои детей, очень любят, но так же сильно они любят и всех остальных, кто живет внутри Стены и с кем, быть может, у них нет близкого кровного родства. Стоит вынуть из кладки кирпичик - возлюбить кого-то больше остальных, в ущерб остальным - и здание разрушится. Поэтому те, кто чувствует, что узы, связующие его с остальными, ослабли, должны уйти.

- И их никто не задерживает?

- Нет. Впрочем, никто и не выгоняет. Но я сам почувствовал себя чуждым. Мне не пришлось никому ничего объяснять. Мои братья поняли это одновременно со мной. И мои родители, и моя жена. Мне самому было очень горько, словно земля подо мной зашаталась. Но ничего поделать я не мог: умерший сын лишил смысла мою прежнюю жизнь. Знаешь, - он поднял глаза на меня, - ведь нельзя сказать, что я искал чего-то лучшего. Наоборот, умом я понимал, что вряд ли найду за Стеной счастье. Но я не мог здесь оставаться, вот и все.

- И как ты жил дальше? Кто-то из «внешних» знал, откуда ты?

- Нет. У вас... то есть у нас, во «внешнем» мире, гораздо труднее сделать так, чтобы на тебя обратили внимание, чем наоборот. Я простился с сабинянами, спустился в подземелье и долго-долго шел, пока не добрался до укромного выхода на той стороне. Там меня ждал один из «агентов», как ты выразился. Он приготовил мне одежду, документы, деньги - словом, все, что нужно для жизни вне Стены. Я легко растворился там: сам знаешь, с точки зрения социализации сабиняне неотличимы от вас. Полгода я жил, притворяясь офисным планктоном. А потом начал тосковать. Чем дальше, тем сильнее.

Меня охватило волной сочувствия.

- Ты пожалел о своем решении?

Он пожал плечами.

- Как бы это сказать? Просто я понял, что мне нет места за Стеной. Но внутри Стены я больше не мог быть счастлив. Я оказался нигде. И никем.

- Для эмигрантов обратного пути нет, верно?

- Верно. Но не потому, что ты умоляешь впустить тебя назад, а тебе отказывают. Я сам, прежде всего сам знал, что мне сюда больше нельзя. Я их очень люблю, очень хочу к ним - но мне нельзя.

- Как нельзя? То есть ты сам себе это запрещаешь?

Тошук поднял на меня усталый взгляд.

- Просто нельзя, и все.

- Просто нельзя, и все, - машинально повторил я. - И купить за стеной в магазине продукты и лекарства, чтобы через подземный ход перетащить сюда, тоже нельзя? Спасти детей от голода и болезней - нельзя?!

Тошук молчал.

- Вы все просто... просто сумасшедшие! - только и смог сказать я.

Я ждал, что Тошук рассердится, но он не изменился в лице. Лишь в глазах показались слезы.

- Мы ангелы, как ты сам сказал. Надеюсь, когда-нибудь ты будешь понимать нас лучше. И тогда не станешь удивляться.

Это было уже слишком. Какая-то дьявольская игра, которую человек вел с самим собой на выживание! Но нет, Тошук не выглядел ни безумцем, ни извращенцем. Может, я и впрямь чего-то не понимаю?

- А твоя жена? Твои родители? Что они сказали, когда ты решил уйти? Должно быть, сочли тебя предателем?

- О нет. Они лишь оплакивали меня, как оплакивают умерших. Знаешь, жена отказалась выходить замуж после моего ухода, хотя я ее уговаривал сделать это, и многие просили ее руки. Сейчас, когда я раз в год перехожу Стену с очередной экскурсией, я встречаюсь с ней. У нее нет на меня обиды. Конечно, она хотела бы, чтобы все было иначе - чтобы наш сын не умирал, чтобы мы были вместе и были счастливы. Но так уж вышло. Это судьба.

Сказать, что я был поражен, значит, не сказать ничего. Этот фатализм переходил все разумные пределы. Им достаточно было сделать шаг, чтобы хоть немного изменить обстоятельства к лучшему. Но они бездействовали, упиваясь своим страданием и смирением. Всего-то оттого, что Тошук один раз не выдержал горя из-за смерти первенца - а кажется, что может быть понятней? - он обречен всю жизнь провести в печальном изгнании, без радостей и надежд, посещая дом и жену раз в год, словно приходя на побывку с того света. Он наказан сам собою, и лишь за то, что оказался способен на чувства! Да здесь все вывернуто наизнанку!

Тошук, услышав мои мысли, упрямо покачал головой.

- Нет, ты все-таки не понимаешь. Если бы мы пошли против нашего закона, нам бы это не принесло радости. Мы особенные, - с нажимом повторил он.

- Особенности тем, что не хотите бороться за свое счастье? А может, вы просто ленивые или бесчувственные?

Слова вырвались у меня слишком быстро, я не успел их остановить. Тошук впервые за сегодняшний день поглядел на меня укоризненно.

- Может, я в тебе и ошибался.

- Ладно, не мне об этом судить. Просто... мне так жаль вас!

Он вдруг рассмеялся.

- О, не нужно нас жалеть. Вот только не это. Мы счастливее всех вас. Богатство, которым мы

обладаем, ценней всех ваших богатств. Даже те из нас, кому судьба не подарила безмятежной жизни, все равно счастливее!

- Счастливее? Потому что вы подобны божеству? Поэтому?

- Я жалею, что заговорил об этом. Давай закончим.

- Вы точно страна ангелов. Или идиотов.

Мы посидели молча, наблюдая, как жрецы гасят лампы. Последние ученики - Мет и Абий - выключали свои компьютеры.

- Значит, сейчас ты как бы водишь экскурсии на свою родину?

- Да.

- И ходишь к жене в женский дом, чтобы постоять под антресолями...

Тошук сделал движение, чтобы подняться.

- Слушай! Я вдруг догадался. Тошук - это ведь и есть твое настоящее имя? А я сперва подумал, что это ник.

- Нет. Ник - это в паспорте, который мне сделали за Стеной. А Тошуком меня назвали родители.

- А как тебе зовут по паспорту?

Лицо Тошука дернулось в усмешке.

- Дурацкое имя. Не люблю его. Даже произносить как-то странно. Впрочем - вот, смотри.

Он полез в задний карман штанов и вытащил оттуда измятое и засаленное удостоверение. Там была фотография, в которой я ни за что бы не признал Тошука: какое-то испуганное лицо с вытаращенными глазами. Бывают нефотогеничные люди, но чтобы настолько! И верно, это совсем не он. И новое имя ему не подходит.

- Потому что сабинянами нельзя фотографироваться, - пояснил Тошук, убирая удостоверение в карман. - Получаются искаженные лица. Вроде бы похоже, да не они.

Это уже походило на мистику, но Тошук говорил, как всегда, совершенно серьезно. Я хотел еще что-то спросить, но заметил, что он оглядывается по сторонам, будто ждет кого-то.

- Знаешь, в лагере скоро начнется праздник. Будет много веселья и еды. Ты сходи туда, - сказал он.

- А ты?

- Мне нужно еще побыть здесь. Поговорить кое с кем. - Я проследил его взгляд и увидел жреца, поправлявшего книги на полках в темном проходе. Его коллеги тоже разошлись, и он остался один. - Больше до следующего года у меня такой возможности не будет.

Каюсь, я не сразу понял, что следует немедленно уйти. Вместо этого я зачем-то принялся болтать всякую чушь.

- Ангелы, вообще-то, должны что-то делать. Ну, помогать другим людям, являть всякие чудеса. А сабиняне просто живут, добывают еду, едят и ходят с поклажей туда-сюда. Не похоже как-то на ангелов!..

Я умолк, заметив, что жрец двинулся по проходу в нашу сторону. Выйдя в середину зала, он приостановился в нескольких шагах и молча поклонился мне. У него была такая же бритая голова, что и у других служителей, но он был намного старше. И вдруг я понял, что этот старик очень похож на Тошука! Одни и те же глаза, и нос, и губы. Так мог бы выглядеть сам Тошук лет этак через тридцать... Тут меня осенила догадка. Это же его... Ну конечно! Я смущенно заторопился.

- Ой, извини за непонятливость! Ну ладно, я пошел. Еще увидимся!

Последние слова я проговорил, уже стоя у выхода. Тошук поднял мне на прощанье ладонь и тут же повернулся к отцу.

Выскочив за дверь, я чуть не влетел с разгону в стену колючих кустов. Однако, куда же мне идти? Тропинка, кажется, начиналась не сразу от двери. Вот сейчас бы помогла свадебная музыка, но ее что-то не слышно. И вообще неизвестно, будет ли у них музыка. С учетом местного специфического отношения к личному счастью... Морщась от боли, я раздвинул ветки, и тут впереди вдалеке мелькнула фигура. Мет и Абий! Я поскорее окликнул их, прося подождать. Абий остановилась, а Мет сразу вернулся и помог мне пробраться через заросли, бесстрашно распахивая кусты руками.

- Спасибо. А то тут прямо лабиринт. Ну, и как там ваши задачи? Удалось решить? - спросил я, отдуваясь.

- Пока не очень. Но у задач теперь будет небольшой перерыв. - Мет и Абий загадочно переглянулись. - Свадьба!

- Ах да, конечно. Долгожданный отдых, вкусная еда, песни и все такое. Должно быть, вы этого очень ждали.

- Еще бы не ждали. Ведь это и наша свадьба. Наша с Абий!

- Ваша? - Я озадаченно остановился. - Ну надо же! Никогда бы не подумал!

Впрочем, «подумать» такое здесь нельзя было ни на кого. И равным образом влюбленной парой здесь могли оказаться любые случайные люди. Общее равно-дружелюбное отношение всех ко всем ни разу при мне не нарушалось. Разве что около женского дома. Хотя в преддверии свадьбы, видимо, допускались некоторые вольности: я заметил, как девушка украдкой легонько коснулась пальцами руки жениха. Надо понимать, это было неслыханное для Сабинянии проявление чувств.

- Со школьной скамьи - и прямо к венцу! - неловко пошутил я, но молодые с готовностью рассмеялись.

- Что ж, тогда... желаю счастья! Да, но что же мы стоим? Пойдемте скорее... на вашу свадьбу!